

Марина Цветаева в критике Юрия Терапиано

Одним из тех, кто писал критические отзывы о произведениях М.Цветаевой, был Юрий Константинович Терапиано. Причем, поэта Юрия Терапиано можно назвать «идеальным критиком»: он точно угадывал духовный стержень человека, избегал колкостей и прочих приемов, провоцирующих оппонентов на спор. Иными словами, Терапиано – галантный критик. Критика его точна, образна и увлекательна, она явно не вмещается в область чисто литературной критики. Родившийся в греческой семье¹, в городе, хранящем отзвуки древнего Пантикапея, воспитанный на строках из «Эллады», знающий латынь, он с детства имел чувство «исторического». Важно отметить, что ключом к его восприятию творчества М.Цветаевой, была *античность*, которую он хорошо знал и высоко ценил.

Не было такой, современной ему, историко-литературной темы, на которую бы не откликнулся Терапиано, он вел переписку с литераторами по обе стороны железного занавеса, его смело можно назвать *антологом* русской литературы². Терапиано старался *через поэта* понять суть эпохи, одна из его статей так и называется «Человек 30-х годов» (после войны он будет заниматься «человеком 50-х»).

В связи с вышесказанным, попытаемся понять: какой увидел эпоху Терапиано и в контексте творчества М.Цветаевой, как в критике М.Цветаевой перебивают друг друга Терапиано-поэт и Терапиано-критик; почему Терапиано, живший с 1926 по 1939 в Париже, казалось бы, «бок о бок» с М.Цветаевой, ни разу не написал о ней за эти годы (вся критика его посмертная).

Скажем несколько слов о Ю.К.Терапиано.

Терапиано (настоящая фамилия Торопьяно) Юрий Константинович (21.10.1892, Керчь Таврической губ. – 3.07.1980, Ганьи, Франция), юрист, поэт, литературный критик. В 1911 г. окончил Александровскую гимназию в Керчи; в 1916 г. – юридический факультет Университета Св. Владимира в Киеве. В 1917 г. призван в армию; окончив школу прапорщиков в Киеве (одну из шести), служил в Москве, затем – на Юго-Западном фронте. В 1919 г. вступил в Добровольческую армию. Был ранен в живот, и всю дальнейшую жизнь за его здоровьем следила его жена, верный друг и ангел-хранитель – Ирина Николаевна Терапиано (урожденная Новосёлова) (1890–1973, Ганьи, Франция). В ноябре 1920 г. Терапиано эвакуировался с армией ген. Врангеля в Константинополь (жена эвакуировалась чуть раньше его на о. Кипр, в составе госпиталя, где работала сестрой милосердия). В 1922 г. Терапиано переехал в Париж. В 1925 г. стал одним из организаторов и первым председателем Союза молодых поэтов и писателей в Париже, соредатор журналов «Новый дом» (1926–1927), «Новый корабль» (1927–1928), организатор литературного объединения «Перекресток» (1928). Автор поэтических сборников, критических статей, воспоминаний. Литературный обозреватель газеты «Русская мысль» (1955–1978). Член Союза русских писателей и журналистов во Франции. Составитель антологии русской зарубежной поэзии «Муза диаспоры» (1960). В 1955 г. вместе с женой переезжает в Русский Дом в Ганьи, где продолжает литературную и организаторскую деятельность.

Временной диапазон встреч Терапиано с М.Цветаевой весьма широк. Первая встреча с сестрами Цветаевыми произошла в Коктебеле в 1911 г. Юрий Терапиано, живший с родителями в имении в Темеше, с мальчишками любил совершать далекие поездки на лошадях; ездили они и в Коктебель. «Туда приезжают поэты из Москвы и Петербурга, читают стихи, ходят в греческих хитонах, чудачествуют»», – говорили о коктебельцах. И

Юрий с другом, верхом, отправились в Коктебель, «понаблюдать за “Волошинской дачей”». Один раз им «удалось полюбоваться необычайным зрелищем: впереди, в каком-то полумужском кафтане, в шароварах, шествовала Волошина-мать, ведя свой велосипед. За нею выступал сам поэт, действительно, в эллинском хитоне и в сандалях (хитон и сандалии шли к его львиной гриве гораздо больше, чем фрак), затем еще несколько человек, мужчин и женщин, кто в хитоне, кто в обыкновенном платье, а шествие замыкали две молодые девушки в белом – “дочери московского профессора, Ася и Марина Цветаевы”», – объяснили любезные коктебельцы³. Что касается самого М.Волошина, Юрий знал его по литературным вечерам в Феодосии, но «представлен не был» (будучи еще совсем мальчишкой, он напросился с родителями на поэтические чтения).

...Позднее Терапиано, вспоминая о далеких днях своей юности, обозревая весь горизонт, на протяжении которого он наблюдал М.Цветаеву, скажет: «Мог ли я знать тогда, что нам суждено будет встретиться в Париже, враждовать и литературно, и лично в силу сложившихся обстоятельств, затем – помириться, перед самым концом, – в последний раз я видел М.Цветаеву за несколько дней до ее рокового отъезда в Россию»⁴. Поясним немного канву творческих отношений двух персоналий.

Следующая встреча Терапиано с М.Цветаевой произошла уже в Париже: ее первый творческий вечер во Франции состоялся 6 февраля 1926 г. в *Союзе молодых поэтов и писателей*, председателем которого был Терапиано. А за три недели до этого события – 16 января – М.Цветаева приходила договариваться о своем предстоящем творческом вечере с председателем Союза и присутствовала на вечере молодых поэтов, посвященном стихам В.Андреева⁵.

Однако, уже с ноября 1926 г. (после выхода первого номер журнала «Новый дом»⁶, одним из редакторов которого был Ю.Терапиано) отношения между М.Цветаевой и председателем Союза испортились. Причиной тому была статья⁷, подписанная В.Злобиным, критикующая журнал «Версты»⁸, в котором активно сотрудничала М.Цветаева. Статья В.Злобина, кроме язвительной интонации, имела двусмысленный эпиграф: «Помни, помни, милый мой, красненький фонарик» (намек на советскую ориентацию журнала «Версты», напечатавшего стихи Пастернака и других писателей из СССР). Вот две записи из «Дневника» очевидца тех событий, поэта Ирины Кнорринг⁹. Первая запись – о собрании Союза молодых поэтов и писателей в Париже, состоявшемся 6 ноября 1926 г. «Вчера была на вечере молодых поэтов. [...] Не обошлось без скандала. [...] Сосинский¹⁰ влез на стул, тут трудно было разобрать – крики, взволнованные голоса, падающие стулья. После долгого шума ему все-таки дали говорить. Он говорит: “В *Новом Доме* помещена возмутительная статья, ругающая нашего великого писателя Ремизова и нашу великую поэтессу М.Цветаеву. Называю эту статью хамской, гнусной, подлой, и пусть моя речь будет автору публичной литературной пощечиной” (запись от 7 ноября 1926 г.). Другая запись комментирует продолжение инцидента: «Что-то странное и дикое было в Союзе поэтов. Рассказывали, как Терапиано поджидал Сосинского в подворотне и ударил его по лицу. Так что, тот вместо литературной пощечины получил реальную. Сосинский извинился перед Союзом за тот инцидент» (запись от 21 ноября 1926 г.)

Добавим, что сохранился автограф Терапиано, сделанный 19 октября 1926 г. на обложке первого номера журнала «Новый дом» (1926, №1), в котором была напечатана статья Терапиано «Два начала в русской современной поэзии». Автограф гласит: «В этом № “Нового дома” – первая моя критическая статья. Вл. Ходасевич после этого говорил, что я должен заниматься критикой – чем я и занялся с 1945 года в “Новом Русском Слове”, а с 1955 г. и по сей день – в “Русской мысли”. 19–X 1975 г. Ю.Терапиано». И чуть ниже: «А статья о “Верстах”, подписанная Злобиным, написана Зинаидой Гиппиус. Эта статья вызвала большой скандал и навсегда – ссору Мережковских с М.Цветаевой. Ю.Терапиано»¹¹.

К вопросу о рождении и развенчании легенд добавим, что в письме к поэту и литературоведу В.Ф.Маркову¹² (от 3 апреля 1954 г.) Терапиано, признаваясь в своем обмане, писал: «Гиппиус называла М.Цветаеву кликушей действительно, а таланта ее не признавала. Я же, желая восстановить справедливость, “заставил” Гиппиус прибавить “а талант огромный”, тем более, что уверен: в душе Гиппиус *должна* была это чувствовать. (Так творятся легенды!)»¹³. Отметим к слову, что письма Терапиано (как к его современникам, так и к молодому поколению писателей и литературоведов) не столь сухи и сдержанны, как его официальная критика.

Уже 8 февраля 1927 г., подыскивая помещение для своего ежегодного (второго в Париже) поэтического вечера, она пишет С.Андрониковой-Гальперн: «С Союзом молодых, по сведениям, выйти не может, – они в руках у враждебной (СТАРШЕЙ) группы» (VII, 103). Т.е. «в руках» Г.Адамовича, В.Ходасевича (а чуть позднее – Д.Мережковского и З.Гиппиус), ревностно относящимся к судьбе молодой поэзии в эмиграции. Напомним, что фланг Г.Адамовича «враждебным» стал после опубликования в журнале «Благонамеренный» прозы Цветаевой «Поэт о критике» и «Цветника» (приложения из цитат Г.Адамовича)¹⁴.

Итак, вернемся к критике Терапиано. Возможно, его потасовка с Сосинским в подворотне на Донфер-Рошро в ноябре 1926 г. сделала поведение Терапиано в отношении «благородной Цветаевой» еще более «галантным», ибо вся его критика творчества М.Цветаевой *посмертная*. Заметим, что последняя встреча М.Цветаевой и Ю.Терапиано произошла в июне 1939 г., на литературной вечеринке у князя Ю.А.Ширинского-Шихматова¹⁵, где М.Цветаева вместе с Муром была накануне отъезда в СССР. «Среди присутствующих была и Цветаева с сыном – отчужденная, далекая от всех; она почти ни с кем не разговаривала – и с ней тоже почти не разговаривали, – едет – пусть едет! Кому это интересно?»¹⁶ – вспоминал Терапиано. Все рецензии на книги М.Цветаевой написаны Юрием Терапиано уже в Русском (Старческом) доме.

Опубликовано пять критических статей Терапиано, посвященных персонально М.Цветаевой:

- Терапиано Ю. Проза Марины Цветаевой [Рецензия на книгу: «Марина Цветаева. Проза. Н.-Й. Изд-во им. Чехова, 1953»] // НРС, Н.-Й, 1954, №15286, 7 марта, с. 8;
- Терапиано Ю. Перечитывая Цветаеву // РМ, Париж, 1956, 8 декабря, с. 4–5;
- Терапиано Ю. «Лебединый стан» [Рецензия на книгу: «Марина Цветаева. Лебединый стан: Стихи 1917–1921 гг. Мюнхен, 1957»] // РМ, Париж, 1958, №1174, 15 февраля, с. 4–5;
- Терапиано Ю. Самоубийство и любовь. С.Есенин, В.Маяковский, М.Цветаева <Отрывки> // РМ, Париж, 1964, 11 июля, с. 6–7;
- Терапиано Ю. «Марина Цветаева: "Лебединый Стан", "Перекоп"» // РМ, Париж, 1971, 15 июля, с. 8–9.

Можно также назвать эссе (воспоминания) Терапиано, где он не раз обращается к М.Цветаевой, когда разговор заходит о русской поэзии, или просто упоминает о ней (например, говоря о ее влиянии на творчество Анны Присмановой¹⁷).

Анализируя и резюмируя критические тексты Терапиано, не претендуя на полноту освящения материала (что затруднительно в формате статьи), отметим некоторые особенности его оценки.

Чем восхищается Терапиано, «перечитывая Цветаеву»? Прозу М.Цветаевой он считает «замечательной» (в отличие от поэзии). В своих воспоминаниях, по его мнению, Цветаева с большой силой дает почувствовать себя как человека исключительно одаренного, обладающего огромным темпераментом, чувствующего остро, свежо и углубленно. Терапиано отмечает мастерское владение пером, точное ощущение ритмики, интенсивность и глубину восприятия. «Наилучшей» главой книги «Прозы» он считает эссе «Живое о живом»: «Без любви невозможно было создать такой его портрет, так выделить в нем всё человечески значительное, доброе и трогательное»¹⁸. Терапиано верно понял эгоцентризм поэта: его нужно понимать в том смысле, что она считала «и свой дар,

и дарование других поэтов не своей, а Божьей собственностью» и что для нее поэтому «меж прославлением Кузмина, Пастернака, Белого и самой себя не существовало и не могло существовать никакой разницы»¹⁹, и прославляла, фактически, Бога за их создание.

Почему М.Цветаева «пришлась не ко двору» русской литературной эмиграции? И что раздражало лично Терапиано в М.Цветаевой? Одни и те же факторы он ставит ей в вину и видит в них причину ее трагедии. «Дело здесь не только в сложности и малодоступности ее поэзии; [но] как раз в те годы, когда Цветаева жила во Франции, в зарубежной литературе начало утверждаться другое течение, стремившееся к ясности и простоте, отвергшее всякую “левизну” и “заумность”»²⁰ (речь идет об иной поэтической ноте: пьяно и пианиссимо, о «парижской» ноте). И другой важный момент подметил Терапиано: «белая-пребелая внутри», не желающая «слово низводить до свеклы кормовой», Цветаева, по его мнению, волею судьбы должна была пребывать в левых кругах эмиграции.

В статье «Русская зарубежная поэзия», анализируя два направления в поэзии (путь от хаоса к космосу и наоборот), Терапиано говорит: «Марина Цветаева, как верно заметил Борис Зайцев, “эволюционировала в обратном порядке”. В то время, как Пастернак шел от сложности к простоте, Цветаева все усложняла свою поэтику, шла веку наперекор, что и явилось причиной ее творческого одиночества в эмиграции. [...] В Советской России “зов” Цветаевой был услышан молодыми поэтами. [...] Но в эмиграции в то время нужны были не “громкий зов”, а “приглушенные голоса”, не вихрь и буря, а тишина казалась тогда более убедительной “для человека тридцатых годов”»²¹.

Итак, каким же видит Терапиано «человека 30-х гг.»? Это был уединенный индивидуалист без Бога, сомневающийся во всем. «Невозможность забыть о крушении идеологии революционной эпохи; сознание, что образовавшуюся в душах пустоту невозможно заполнить никакими блистательными словами и образами; отталкивание от «литературности», т.е. риторики, фальши и неискренности – были отправными точками того мироощущения, которое сделалось в кругах молодой зарубежной литературы общим в то время. Воля к искренности в искусстве, воля к ясности, простоте, к отказу от всяких формальных «утешений» метафизики пришла отовсюду, сама собой»²². Это особое состояние духа, преломившееся в творчестве отдельных поэтов, получит название «парижской ноты» – «торжественной, светлой и безнадежной»²³. Основным же поэтическим достижением эпохи он считал светлую и печальную «парижскую ноту». В свою очередь, «основным ощущением (и основным достижением) окончившийся сейчас “парижской ноты” была переоценка прежней, дореволюционной литературной эпохи и вопрос, как и чем может жить современный человек, прошедший через крушение прежнего мира.

С некоторыми постулатами Терапиано можно не согласиться. Например, с тем, что «вокруг М.Цветаевой был вакуум, литературное одиночество». Подчеркнем, что М.Цветаева участвует в литературной жизни 1930-х годов, выступая в собраниях «Кочевья» (1933–1938), «Франко-русских литературных собеседованиях» (1929–1930), в ежегодных больших вечерах поэзии, устраиваемых Объединением русских писателей и поэтов; не говоря о том, что *творит* литературу. Учитывая это, утверждение Терапиано можно понимать в том плане, что вокруг М.Цветаевой не было литературной суеты, что лишний раз говорит о ее поэтической индивидуальности и духовной элитарности.

Можно поспорить и с тем, что Терапиано называет прозу Цветаевой «не проза поэта», а «лирические образы-переживания, в которых Цветаева видит свое прошлое»²⁴. Зададим вопрос: а что такое «проза поэта», как ни трансформированное в переживание образное представление – десятимерного! – мира, включая время и движение, пространство и силы, запахи и звуки, людей и их тени и, конечно, одушевленных героев книг, снов и т.д.?

Терапиано, став критиком, не перестал быть поэтом и обычным читателем. Восхищаясь цветаевской прозой, он обильно цитирует ее, без всяких комментариев, это доставляет ему видимое удовольствие. Ведь он слышал, как М.Цветаева читает, и пытается вложить в написанные строки ее интонации: «Нужно было слышать, как сама

Цветаева читала свои стихи – как она их читала!» – восклицает Терапиано, – Но на бумаге сплошь и рядом читатель оказывается не в состоянии следовать за поэтом»²⁵. Так, рецензируя ее прозу «Мои службы», вслед за Цветаевой, он проживает ее выступление в советской уже Москве; во дворце культуры М.Цветаева читала «Фортуна». Пьеса, написанная в 1919 г. на злобу дня, Эдиповым языком, была выбрана ею для прочтения из-за монолога в конце: Так вам и надо за тройную ложь / Свободы, Равенства и Братства! [...]» (IV, 474). Как мы помним, «Фортуна» заканчивается сценой на эшафоте: Герцог Лозен, отдав палачу свой бокал вина (положенный приговоренному), произносит: «К вашим услугам, друг». И, вознося над головой розу, восклицает: «Vive la Reine!» – «Да здравствует королева!». (III, 414). И М.Цветаева продолжает, комментируя саму себя: «Так отчетливо я никогда не читала. [...] Так ответственно я никогда не дышала [...] Монолог дворянина – в лицо комиссару, – вот это жизнь!» (IV, 474–475).

В данной рецензии²⁶ (и в других случаях) Терапиано дает длинную цитату из цветаевского текста, пытаясь тем самым передать пафос автора и верность самой себе. В той же рецензии он отмечает, что Цветаева могла договориться только с единомышленниками, и ей было всё равно, «в чем именно заключается новая поэтическая атмосфера». Поэтому в конце 30-х она говорила с А.Штейгером также, как в 1911 г. в Коктебеле с М.Волошиным, а в 1922 г. в Берлине с А.Белым²⁷. И хотя Цветаева мешала палитру рекомендуемых ей литературных приемов и жанров, и портила тем самым Юрию Терапиано синтезированный им портрет «человека 30-х годов», но антологист русской литературы сохранил и донес до нас образ Поэта, живущего *над* временем. Думается, запомнила его и вся русская *читающая* эмиграция.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О родословной Ю.К.Терапиано см.: *Миляновский В.* «Быть на земле поэтом – горький дар»: Биографическая повесть – Керчь, 2001.

² Поэт Е.Евтушенко назвал свою статью о Ю.К.Терапиано «Антологист добрых дел» («Новые Известия», 20 апреля 2007 г.).

³ *Терапиано Ю.* Встречи: 1926–1971 / Сост., автор вступ. статьи и комм. Юрченко Т.Г. – М.: Intrada, 2002, с. 19.

⁴ Там же.

⁵ Подробнее см. *Невзорова И.М.* «Поэт и поэтесса»: М.Цветаева и И.Кнорринг // XVII и XVIII Цветаевские чтения в Болшеве. Сб. материалов – Королёв: Музей Цветаевой в Болшеве, 2007, с. 151–163.

⁶ «Новый дом» (Париж, 1926–1927, №№1–3) – литературно-художественный журнал; редакторы Н.Берберова, Д.Кнут, В.Фохт и Ю.Терапиано.

⁷ *Злобин В.* «Версты» [Рецензия] // Новый дом, 1926, №1, с. 36–37.

⁸ «Версты» (Париж, 1926–1928, №№1–3) – литературно-художественный журнал под редакцией Д.П.Святополка-Мирского, П.П.Сувчинского и С.Я.Эфрона при участии А.М.Ремизова, М.И.Цветаевой и Л.И.Шестова. Журнал «Версты» (как позднее и журнал «Своими путями») видел свою задачу в том, чтобы выявлять всё лучшее, что написано русскими поэтами и писателями по обе стороны границы.

⁹ *Кнорринг И.Н.* Повесть из собственной жизни: [дневник]: в 2-х томах. // Подгот. текста Н.Н.Кнорринга и Н.М.Черновой; вступ. ст., коммент. И.М.Невзоровой. Том 2 выйдет в свет в издательстве «Аграф» в серии «Символы времени» в 2010 г.

¹⁰ Сосинский Владимир Брониславович (наст.: Бронислав Брониславович Сосинский-Семихат) (1900–1987), литератор. (См. также: *Сосинский В.Б.* История одного кольца или Несостоявшаяся дуэль // *Сосинский В.Б.* Рассказы и публицистика – М.: «Российский архив», 2002, с. 121–128).

¹¹ Автограф Ю.К.Терапиано опубликован в книге: *Кудрова И.В.* Путь комет. 2-е изд., исправ. и дополн. В 3-х т. – СПб: Изд-во «Крига», Изд-во Сергея Ходова, 2007, т. 2, с. 193.

¹² Марков Владимир Федорович, 1920 г.р., поэт, литературовед, проживает в США.

¹³ *Терапиано Ю.* «...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда»: Письма Ю.К.Терапиано к В.Ф.Маркову (1953–1966) // Минувшее: Исторический альманах, 1998, №24, с. 254.

¹⁴ Журнал «Благонамеренный», 1926, №2, март-апрель, с. 94–126.

¹⁵ Ширинский-Шихматов Юрий Алексеевич (1890–1942), князь, публицист, юрист. В эмиграции в Париже. Организатор «Порев клуба», издавал журнал «Утверждения». Погиб в фашистском концлагере.

¹⁶ Марина Цветаева в критике современников: В 2-х ч. Ч. II. 1942–1987 годы. Обреченность на время / Сост. Л.А.Мнухин – М.: Аграф, 2003, т. 2, с. 30.

¹⁷ *Терапиано Ю.* Встречи, с. 199.

¹⁸ Марина Цветаева в критике современников, т. 2, с. 30–31.

¹⁹ Там же, с. 33.

²⁰ Там же, с. 29.

²¹ *Терапиано Ю.* Встречи, с. 256.

²² Там же, с. 9.

²³ Там же, с. 10.

²⁴ Марина Цветаева в критике современников, т. 2, с. 32.

²⁵ Там же, с. 28.

²⁶ Там же, с. 167.

²⁷ Там же, с. 169–170.